

Адаменко Ольга Владимировна

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В УПОТРЕБЛЕНИИ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЛЮБОВНОГО РОМАНА И ЧИКЛИТ)

В статье предпринимается попытка анализа табуированной лексики в английском любовном романе и чиклит с точки зрения существующих гендерных стереотипов. Жанровый выбор объясняется изменившимся социальным и психологическим статусом женщин, что не могло не сказаться на появлении новых форм повествования - литературы чиклит. В связи с этим выделяются модификации гендерных стереотипов под влиянием экстралингвистических факторов. Подтверждается гипотеза об ассимиляции мужских паттернов obscenity употребления женской половиной общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/2.htm

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 16-19. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'373.47

Филологические науки

В статье предпринимается попытка анализа табуированной лексики в английском любовном романе и чиклит с точки зрения существующих гендерных стереотипов. Жанровый выбор объясняется изменившимся социальным и психологическим статусом женщин, что не могло не сказаться на появлении новых форм повествования – литературы чиклит. В связи с этим выделяются модификации гендерных стереотипов под влиянием экстралингвистических факторов. Подтверждается гипотеза об ассимиляции мужских паттернов обценного употребления женской половиной общества.

Ключевые слова и фразы: табу; инвектива; эксплетив; гендерный стереотип; обценная лексика; любовный роман; чиклит.

Адаменко Ольга Владимировна*Запорожский национальный университет, Украина**aov_zp@rambler.ru***ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В УПОТРЕБЛЕНИИ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЛЮБОВНОГО РОМАНА И ЧИКЛИТ)©**

В связи с изменением вектора современной лингвистической мысли в сторону антропоцентризма центр внимания был перемещён на человеческий фактор, в частности, его психологический, эмоциональный аспект. Составляя мотивационную основу человеческой деятельности, эмоции являются одним из способов отражения субъективных отношений человека к миру и, следовательно, должны находить свое выражение в языке. «Без учета эмоций невозможно воспроизвести язык в его реальности и построить адекватное описание языковой системы» [5, с. 7].

В современной лингвистической практике изучению эмоций уделяется достаточное внимание (Г. В. Барышникова [1], Е. Ю. Мягкова [3], В. И. Шаховский [5], *R. Aman* [6], *B. Murphy* [13]), однако неоспоримый интерес вызывает выражение человеческих эмоций и эмоциональной разрядки индивида с помощью инвективного лексикона, а также его изучение с гендерных позиций. Данный пласт лексики является малоисследуемым в силу существующих моральных норм, ограничивающих, а в некоторых культурах запрещающих его использование, что и обусловило **актуальность** исследования. Исходя из этого, **целью** данной работы является изучение особенностей модификации гендерных стереотипов при употреблении инвективной лексики. Материалом исследования послужили англоязычные любовные романы «*Crime of Passion*», «*Sea Swept*», «*The Kincaid Bride*», «*Return Engagement*» и чиклит «*Bridget Jones's Diary*», «*Sex and the City*», «*The Devil wears Prada*».

Предполагается, что язык является ключом к изучению человеческих эмоций, формируя эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры [5, с. 25-26].

Эмоции представляют собой некий континуум, в котором они постепенно переходят одна в другую. По мнению В. И. Жельвиса, «такой спектр эмоциональных нюансов удобно материализовать в виде единого средства, берущего на себя сложную эмоциональную нагрузку. Таким средством и является инвектива» [2, с. 51]. Следовательно, эмоции находят в инвективе наилучшее средство экстерииоризации [1, с. 136].

Разнообразный спектр человеческих эмоций находит свое выражение в речи мужчины и женщины. Поэтому особый интерес представляет изучение обращения к сквернословью в зависимости от гендерной принадлежности инвектанта.

Совсем недавно можно было с глубокой уверенностью говорить о полном верховенстве мужчин в употреблении инвективного лексикона. Это объясняется, во-первых, степенью доминантности мужской коммуникативной личности [2, с. 66], а во-вторых – психосоциальными особенностями маскулинного коммуниканта. В мужском социуме вульгарная лексика используется для определения себя в команде (*male bonding*) [8, р. 16]. Женская же аффективная коммуникация должна избегать инвективного употребления.

Однако в последнее время во многих культурах, в том числе и англоязычной, наблюдается тенденция к более свободному употреблению инвективного репертуара женской половиной общества. Сторонницы феминистического движения активно ассимилируют мужские паттерны обценного употребления для собственных нужд [13, р. 190; 15, р. X].

В связи с этим актуальным представляется сравнительный анализ текстов традиционного любовного романа и чиклит на предмет выявления гендерных особенностей инвективного словоупотребления. Являясь индикатором социальной структуры общества, массовая литература становится инструментом формирования социальных стереотипов, гендерных, в частности. И если любовный роман традиционно считается транслятором патриархальных взглядов, то жанр чиклит определяют как «проявление постфеминизма, который вышел за рамки изображения женщины-как-жертвы и расширил тематические границы женской прозы» [4, с. 324].

Прежде всего необходимо очертить лингвистические границы инвективного лексикона. Наиболее перспективной считаем классификацию, предложенную немецким ученым *R. Aman*, согласно которой

к инвективной лексике относим: сквернословия, богохульства и профанизмы, инсинуации [6, р. 1]. Все инвективные формы носят табуированный характер и вербализируются посредством употребления вульгаризмов, эксплетивных междометий, инвективных интенсификаторов.

Сравнительный анализ табуированной лексики показал ее количественное преобладание в текстах, относящихся к жанру чиклит (636/531).

Во-первых, следует отметить различия в распределении употребления обценных слов и богохульств между мужскими и женскими персонажами. Если в коммуникации маскулинных референтов патриархального любовного романа употребляется 75,5% всех слов, содержащих табу-семы [2, с. 56], то использование такого рода лексем в коммуникативном поведении мужских персонажей чиклит составляет всего 21,2%. Происходит явный перевес в сторону женского употребления табуированной лексики.

Однако интересен не сам факт наличия больших численных показателей, тем более что превалирование запрещенной лексики не имеет явных преимуществ, а его качественные характеристики.

Качество используемых табу претерпевает значительные модификации. Если в традиционном любовном романе фемининные референты тяготеют к использованию инвектив – профанизмов (85%), как в ситуациях горя, радости, удивления, так и возмущения, гнева, то женские персонажи в текстах чиклит не стесняются в выражениях сильных эмоций посредством бранных слов (57,4%).

В любовном романе эмоциональные отношения к описываемой ситуации транслируются автором в основном через эксплетивные междометия. Отметим, что в женских репликах, содержащих такого рода междометия, превалирует религиозное табу *God*:

(1) *God, she still loved him* [11, р. 90]. / *Господи, она все еще любила его.*

(2) «*Thank God we didn't get married,*» *she said with helpless sincerity* [10, р. 93]. / «*Слава Богу, мы не поженились,*» – сказала она с обезоруживающей искренностью.

(3) *Anna kept her mouth firmly shut until they were out of the building and safely alone in the parking lot. «Sam, for God's sake»* [14, р. 237]. / *Анна крепко держала рот на замке, пока они не вышли из здания и не оказались на парковке. «Кэм, ради Бога».*

Мужская коммуникация тяготеет к большему использованию табуированных *God, Christ, damn* и *hell* как в составе эксплетивных междометий, так и в качестве интенсификаторов:

(1) «*Christ, I've got to sit down a minute.*» *He stepped into a small waiting area, and dropped into a chair* [Ibidem, р. 15]. / «*Боже мой, мне необходимо сесть.*» Он прошел в зал ожидания и рухнул на стул.

(2) «*I'm here,*» *he snapped as they came through the back door. «What's the damn problem?»* [Ibidem, р. 57] / «*Я здесь,*» – рявкнул он, когда они появились у черного входа. «*Что за проблема, черт возьми?*»

(3) «*Get the hell away from me.*» *His voice came out in a croak of terror, infuriating him* [Ibidem, р. 12]. / «*Убирайся к черту.*» Прохрипел он, и голос выдал его страх, что еще больше взбесило его.

При речевом выражении крайней формы негативных эмоций раздражения и возмущения в коммуникацию фемининных референтов также вводятся инвективы *damn* и *hell*:

(1) «*...she said with enough frost in her voice to destroy Florida's entire citrus crop, «What in hell are you doing in my bed?»*» [11, р. 131] / «*...от ее слов веяло таким холодом, которого хватило бы, чтобы уничтожить весь урожай цитрусовых Флориды: —Кого черта ты делаешь в моей постели?»*»

(2) «*Sleep in the barn! Sleep in ... in the horse trough! Do I give a damn where you sleep?»* [Ibidem] / «*Сни в сарае, в кормушке для лошадей! Меня это что, колышет?*»

Послабление табу на понятия религиозной сферы можно отметить в вербальном поведении обоих полов (90 случаев употребления). Однако наибольшая эвфемизация наблюдается в репликах женщин (80). Фемининные референты используют звукоподражательные лексемы *gosh, goodness, doggone*, а также употребляют эвфемизмы *Lord, gracious, good heavens, oh dear*, тем самым избегая прямой религиозной профанации:

(1) *But she couldn't have dinner anywhere with this man: he was her employer, for goodness' sake* [12, р. 53]... / *Но она никак не могла обедать с этим мужчиной: он ведь был ее работодателем, ради всего святого...*

(2) «*...she gasped, tickled pink by the announcement. —Gosh, I can't wait to see him*» [10, р. 86]. / «*...у нее перехватило дыхание от этой удивительной новости. —Боже, не дождусь, когда увижу его*».

(3) *Then Melanie forgot Eli and looked from her grandfather to her brother. Doggone it, what about her* [11, р. 78]? / *Мелани позабыла об Эли и перевела взгляд с деда на брата. Черт возьми, а как же она?*

(4) *Her thoughts drifted from one thing to another. Six half brothers, my Lord* [Ibidem, р. 53]! / *Ее мысли нутались. Шесть сводных братьев, подумать только!*

Смягченное выражение неподобающих слов отмечается и у мужских персонажей. Замена подвергаются инвективы *God, damn* и *hell*:

(1) «*Darn,*» *Collin said, showing his own disappointment* [Ibidem, р. 182]. / «*Черт,*» – воскликнул Колин, выражая свое недовольство.

(2) «*Aw, heck,*» *Sean said with a teasing grin* [Ibidem, р. 185]. / «*Черт возьми,*» – ухмыльнулся Син.

Самая грубая экспрессивная лексика, содержащая лексемы *fuck, shit, bitch, bloody*, используется преимущественно в маскулинной коммуникации:

(1) «*What the fuck is this?»* *he demanded as he shot to his feet* [13, р. 25]. / «*Что это, черт возьми?*» – потребовал он, вскакивая на ноги.

(2) *Phillip surfaced, spat, and shoved the wet hair out of his eyes. «Son of a bitch. You son of a bitch»* [14, р. 26]. / *Филипп вынырнул, откашлялся и убрал со лба мокрые волосы. «Сукин сын. Какой же ты сукин сын».*

(3) *That don't mean shit to me* [Ibidem, p. 27]. / *Это для меня ни хрена не значит.*

В лексике фемининных референтов данные инвективы имеют единичное употребление, а вербальная агрессия передается с помощью менее вульгарных ругательств:

(1) *«You hateful bastard!» Georgie finally lost control* [10, p. 26]. / *Ты отвратительный подонок! Джорджи в конце концов вышла из себя.*

(2) *You pig! You bastard! I'll kill you for this* [14, p. 6]. / *Ты свинья! Я убью тебя за это.*

Лексикон персонажей чиклит отличается интенсивностью выражения и использованием большого количества слов и выражений obscenного характера. Необходимо обратить внимание на тот факт, что на долю женских персонажей выпадает наибольшее количество лексем, имеющих табуированное значение (501 из общего числа 636), причем первое место занимает ненормативная лексика.

Выражение собственного отношения к ситуации и человеку происходит непосредственно через реализацию вербальной агрессии, осуществляемой с помощью обвинения оппонента:

(1) *She. Is. Such. A. Bitch* [16, p. 16]! / *Она. Такая. Сука!*

(2) *Bloody Perpetua* [9, p. 118]. / *Проклятая Перпетуа.*

С целью усиления оценки в вербальном поведении женских персонажей используются инвективные интенсификаторы, содержащие табуированные лексемы *fuck, damn, goddamn, bloody*:

(1) *But she could've called while you were gone and no one would've been here to answer the goddamn phone* [16, p. 77]! / *Но ведь она могла позвонить, когда вас не было, и тогда некому было бы ответить на этот чертов звонок!*

(2) *Then I remembered bloody Vanessa and her slinky dark bob* [9, p. 51]. / *И я вспомнила чертову Ванессу с ее изящным пучком на голове.*

(3) *You're joking. I have to pick up a fucking dog with this Porsche* [16, p. 6]? / *Ты шутишь. Я что, должна забрать чертову собаку на этом Порше?*

В ситуации межгендерного общения фемининные референты без стеснения нарушают табу на употребление в речи слов, связанных с взаимоотношениями между полами, названиями интимных частей тела, а также физиологическими процессами:

(1) *His wife was pregnant, and he was so cute I fucked him and she found out* [7, p. 52]. / *Его жена была в положении, а он был так хорош, что я переспала с ним, а она узнала.*

(2) *Can you imagine what a stinky crotch they have* [Ibidem, p. 78]? / *Ты можешь себе представить, какая у них вонючая промежность?*

(3) *The first time was to throw up over the side of the bed* [16, p. 196]... / *Первый раз ее вырвало возле кровати.*

В текстах чиклит эксплетивные выражения, содержащие религиозные табу, также употребляются преимущественно женщинами. Их количественный показатель равен 42,6% от всего количества табуированных слов и выражений. Употребляются они в основном в негативно окрашенных эмоциональных ситуациях:

(1) *Ohmigod, you must work for Miranda* [Ibidem, p. 120]! / *Боже мой, ты, наверное, работаешь на Миранду!*

(2) *I blurted. «Damn. Damn»* [9, p. 99]. / *«Черт. Черт», – выпалила я.*

(3) *Who the hell was Madelaine* [16, p. 3]? / *И кто такая Меделин, черт возьми?*

В постфеминистическом чиклит можно также проследить процесс эвфемизации табуированной лексики. Заместители табу преваляют в речи женских персонажей, хотя и являются малочисленными (20 употреблений у женщин и 3 у мужчин):

(1) *She said she just turned down a date with a beautifully eligible, recently divorced forty-one-year-old banker because his unmentionable was too small. «Index finger,» she sighed* [7, p. 29]. / *Она сказала, что только что отказалась от свидания с прекрасно ей подходящим, недавно разведенным банкиром сорока одного года, так как то, о чем неприлично говорить, оказалось у него слишком мало. «С указательный палец», – вздохнула она.*

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что в общественном сознании англоязычного социума закреплены определенные гендерные стереотипы коммуникативного поведения. Для женщин – это большое значение норм морали и табу в религиозной сфере. Для мужчин – игнорирование всяческих норм и вербальная агрессия. Однако, проведенный анализ текстов традиционного любовного романа с его патриархальными установками и чиклит показал, что под влиянием экстралингвистических факторов имеет место модификация гендерных стереотипов. Происходит снятие морального вето на использование табуированного вокабуляра, женщины становятся более свободны в выборе и использовании лексических средств выражения эмоций, запрещенный лексикон становится общепринятым.

Список литературы

1. Барышникова Г. В. Гендерные различия эмоциональной компоненты во французской художественной коммуникации (на материале литературы XVII-XX вв.): дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2004. 211 с.
2. Жельвис В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.
3. Мягкова Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. 432 с.
4. Філоненко С. О. Масова література в Україні: дискурс / гендер / жанр. Донецьк: Ландон-XXI, 2011. 432 с.
5. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 208 с.
6. Aman R. Offensive Language Via Computer // Maledicta. 1985. Vol. 8. P. 1-5.
7. Bushnell C. Sex and the City. Warner Books, 1998. 228 p.

8. **Claire E.** Dangerous English 2000. Delta Publishing Company, 1998. 202 p.
9. **Fielding H.** Bridget Jones's Diary. Picador, 2001. 307 p.
10. **Graham L.** Crime of Passion. Mills & Boon, 2005. 219 p.
11. **Merritt J.** The Kincaid Bride. Silhouette Books, 2001. 250 p.
12. **Mortimer C.** Return Engagement. Mills & Boon, 1993. 188 p.
13. **Murphy B.** Corpus and Sociolinguistics. Investigating Age and Gender in Female Talk. John Benjamins Publishing Company, 2010. 231 p.
14. **Roberts N.** Sea Swept. Piatkus, 2002. 342 p.
15. **Spears R.** Forbidden American English. Passport Books, 1990. XVI+225 p.
16. **Weisberger L.** The Devil Wears Prada. Anchor Books. 432 p.

**GENDER ASPECT OF TABOO LEXIS USAGE
(BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH ROMANCES AND CHICK LIT)**

Adamenko Ol'ga Vladimirovna
Zaporizhzhya National University, Ukraine
aov_zp@rambler.ru

The attempt to analyze taboo lexis in the English romance and chick lit from the point of view of the existing gender stereotypes is undertaken. Genre choice is accounted for the changes in women's social and psychological status that influenced the appearance of new narration forms – chick lit. Thus the modifications of gender stereotypes under the influence of extra linguistic factors are singled out. The hypothesis about the assimilation of masculine patterns of obscene word usage by females is confirmed.

Key words and phrases: taboo; invective; expletive; gender stereotype; obscene lexis; romance; chick lit.

УДК 811.1

Филологические науки

Статья посвящена изучению использования обращения в новоанглийский период с позиции лингвистической экологии – междисциплинарной области современного языкознания. Обращение рассматривается как элемент интеракции на основе шести функций речевого сообщения, восходящих к языковым функциям, предложенным лингвистом Р. Якобсоном. Особое внимание акцентируется на выявлении лингвоэкологичности обращения в интеракции.

Ключевые слова и фразы: обращение; лингвоэкология; интеракция; функция речевого сообщения.

Актуганова Софья Андреевна

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
Sofiko86@mail.ru

**ЛИНГВОЭКОЛОГИЧНОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ
НОВОАНГЛИЙСКОГО ПЕРИОДА КАК ЭЛЕМЕНТА ИНТЕРАКЦИИ®**

В настоящее время лингвисты относят изучение различных аспектов обращения к актуальным проблемам языкознания и смежных с ним отраслей знаний. Феномен статуса обращения является дискуссионным до сих пор. С обращением связывают языковые единицы, выполняющие функцию адресации и позволяющие адресату идентифицировать себя как получателя речи при вербальном контакте с ним [2, с. 340]. Предметом нашего исследования являются обращения в коммуникации новоанглийского периода с позиции интеракционной лингвоэкологии.

Современная философия науки ориентирована на антропоцентризм, что находит выражение в экологизации научного знания [11, с. 65]. Лингвоэкология понимается как отрасль междисциплинарного характера, объединяющая экологию, лингвистику, психологию (проблемы речевого воздействия), социологию и философию (проявление в языке предельно общих свойств и закономерностей развития общества и познания) [8, с. 204]. Основным объектом лингвоэкологии признается лингвистическая среда, обозначенная как среда существования и функционирования языка и языковая среда отдельного человека и социума [12, с. 110]. В современном мире необходимо учитывать «лингвоэкологический ряд» системных взаимосвязей «Человек – Язык – Сознание – Культура – Общество – Действие – Окружение» Лингвоэкология позволяет выявить факторы успешной коммуникации, установить их эффективность как для развития творческой личности, так и для интеракции [10, с. 259-262].

Современных исследователей привлекает изучение интеракционной структуры диалога. Интеракция представляет собой единицу общения, взаимодействие коммуникантов, направленных на изменение «мыслей, эмоций, установок, предпочтений и в целом поведения и деятельности в целях обеспечения результативного